

Альтернативный Университет

Из Коллекции Переводов

Максимилиана Гюбриса

**ДЖОН КЛЕЛАНД.
КЕЛЬТ-ДРУИДИСТСКАЯ
ЭТИМОЛОГИЯ.**

Том I.

**Включая тематическое Эссе,
и оригинальные Комментарии
от Автора Перевода.**

MMXVI.

Джон Клеланд

**Кельт-Друидистская
Этимология. Том I**

«Издательские решения»

Клеланд Д.

Кельт-Друидистская Этимология. Том I / Д. Клеланд —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-747304-4

Эта книга открывает собой цикл публикаций полного корпуса этимологических сочинений Дж. Клеланда 1766—1769 гг., посвящённых раскрытию корней Кельт-Европейской общей системы понятий. «Пробный образец этимологического словаря» (1768) — одно из главных произведений сего английского автора, яркого представителя либерального школярства 18 в. Первые 6 книг произведения, вошедшие в сей том, публикуются на русском впервые и удачно знаменуют собой Год Содружества Русского и Английского языков в России.

ISBN 978-5-44-747304-4

© Клеланд Д.
© Издательские решения

Содержание

Интродукция к Переводу	8
Заметка к Читателю	9
Джон Клеланд и Кельтологическая Вселенная	10
I. Историко-биографическая часть.	10
II. «Этимологический Словарь». Будущее Кельт-Русизма.	17
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Кельт-Друидистская Этимология Том I

Джон Клеланд

Переводчик М. Гюбрис

© Джон Клеланд, 2019

© М. Гюбрис, перевод, 2019

ISBN 978-5-4474-7304-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

С великим пренебрежением

*К авторитету и мнению всех тех,
Кто отказывал в поощрении публикации этой Книги;
С превеликой благодарностью и уважением,
Моей Матери,
Кузьминой Галине Фёдоровне,
За редкое терпение, веру и поддержку.*

М. Гюбрис.

Интродукция к Переводу

Заметка к Читателю

Перевод публикуемого текста сочинений, впервые предлагаемых для Русской читающей аудитории, выполнен с оригинального образца Лондонского издания 1768 года, и вполне может быть отнесён к типу канонических копий, что подразумевает отсутствие возможных технических исправлений, при соответствующем сохранении орфографической и графической оригинальных структур текстового оформления: постраничная нумерация (в адвертизированном и частном оригинальных форматах), стиль выделения, пунктуация и пр. символизмы, как то, к примеру, нарочитые озаглавливания и акцентация, преизобильно имеющие место быть в оригинальном тексте автора, а, также, сам стиль Английской манеры письма, с непременно-озаглавленным, в том, атлантически-мужественным местоимением «Я» и не менее обязательной заглавной литерацией слов, в касательстве имён той или иной национальной принадлежности, или априорного смысла, нисколько не изменены и соблюдаются здесь в каноническом их соответствии. В соображении, однако, более выгодной компиляции отдельных мест громоздких сносок и замечаний из текста оригинального издания, автор перевода позволил себе совместить таковые, и ввёл их, за особым выделением (в фигурных скобках), в основной формат публикуемого материала. Работа с текстом, также, представилась быть заведомо креативным, и, в том, подчас неоднозначным процессом: признаюсь, что по ходу выполнения сего перевода, мне делалось весьма жаль сойти до сугубой толмаческой определённости, что полагало бы, в угоду только лишь пассивному читателю, полностью заменить используемые Английские слова на принятые, по сегодня, Русские их этимоны и этимонионы. Засим, все основные, выделенные Клеландом слова, по меньшей мере, в тысяче пятьсот радикалов сопричастные поставленной теме Прото-Античного Языка, мне посчиталось уместным оставить в исконной их литерации, а потому, зачастую, текст сопережён Английским и Русским рядом синонимического словоподбора (в квадратных скобках). Было бы нелепо думать, что проблема идеальной вокабулярности в Русско-Английских Словарях и их Толкованиях, в Историко-Филологическом отделе РАН, решена кафедрой Английского языка, этак сказать, всецело и стопроцентно гарантно; сугубая ж идентификация Кельт-Русских исконных радикал-корней, уверен, ещё только предстоит всей филологии Будущего, а потому мне мнится, не соделав эту книгу наиболее удобной для развлекательного или только познавательного чтения, автор перевода, в некоторой степени, заведомо сумел вовлечь инициативного читателя, т. ск., в общий процесс логостроения. В некоторых местах идентификации, здесь, только лишь подчеркивается то или иное разительное несходство между *сущим* и, на сегодня, только *общепринятым* Русским значением толкуемого Английского (так, в местах, и совр. Англ.) слова; в каких-то отдельных строках – подобная дилемма весьма озадачивает, за неимением наскоро подыскиваемого, Русского, тому радикал-соответствия. Но этакое, надеюсь, к последующим интересам искушённых умников.

Сноски, помещаемые под основным текстом, в добрую половину, являются продуктом собственных выводов и размышлений автора сего перевода, и, скорее, относятся к разряду собственных его комментариев, а потому отмечены за его именем, как те, что не выражают собой какое-либо формально-институционное мнение в мире науки, но способны иметь свой вес в ряду полемики по возникшему вопросу; другая же часть сносок, как это и должно быть, является предметом строгой и апробированной фактичности в ракурсе отмечаемого материала. В видах возможных интересов со стороны читательской аудитории, каких-либо замечаний или комментов на предмет книги, автор сего рад будет иметь признательный контакт со здоровой полемической средой.

Автор.

Джон Клеланд и Кельтологическая Вселенная

(Тематическое Эссе, 03-11-2015/18-02-2016).

I. Историко-биографическая часть.

Я весьма рад писать здесь о Клеланде. Ещё около десяти порядка лет назад, если и говорилось когда среди библиофилов об этом парадоксальном литераторе Британии, то разве-что в узком Англо-читающем кругу России, сугубо Западной; ныне же, пока единственная книга из переведённых на Русский, в некоторой популярности своей, является в своём роде венчающим символом всего того пути, ещё от 90-хх, кой, в первоначатиях антисоветской либеральной культуры и морали, соблазнительно назывался Русская Сексуальная Революция. Пробуждённые созревающие дети, однако, взрослеют весьма не сразу, и не иначе тогда, когда в них взрослеет, а лучше сказать, умнеет сам по себе язык – язык, в частности, иже эротический; возможно, как раз, поэтому та его, до сих пор, вселенски-занимательная «Фанни Хилл» – до недавнего, единственное из наследий Русскоязычного «клеландства», – не вошла в ряд первых революционных переводов либертэн-жанра, не стала достоянием первых тех книжных серий, этак, предоставив шанс обывателям, кто успел уже пресытиться избытком гротескно-нагроможденных фигур и разнузданных образов, эстетически оттолкнувшись прочувствованной стильностью, в сладострастных тактах, истинно-развитого языка сего автора.

Единицы, однако, знают на сегодня, что сия избыливающая художественно-лингвистическая роскошь раннего Клеланда есть тот в нём золотой задаток уникального таланта, кой, выведя его сперва в не рядовые новеллисты, контрастно выделив его, этак, среди прочих (Дефо, Хогарта, Ричардсона, кто, также, пытался касаться либертинаж-авантюрных тем), впоследствии сотворил в нём первого из лингвистов-этимологов своего времени, не побоюсь сказать, в масштабах Вселенски-Европейской культуры. Это, в-особенности, есть предмет сего эссе, как равно, и предмет публикации новой книги переведённого мной автора.

До сих пор, биография Клеланда, в ряду авторитетных источников, преподана весьма скудно, и содержит достаточно много пробелов, что, как и прежде, плодит в избылии число слухов и домыслов касательно его интригующей персоны. Как и с чего он, дескать, официально не доучился; увеселялся ли за своими ранне-литературными занятиями в Бомбее или уже в Британской тюрьме (Флит-Призонь), где оказался, по-молодости, за долги; так ли точно был одним из членов общества Содомитов, точно ли не был женат или же скрывал своё супружество в глубокой тайне; принадлежал ли к влиятельным масоническим кругам и, в том, не потому ли, как раз, и был обречён на пренебрежительное к себе, потом, отношение? – так ли вправду, чтобы жить, подчас, под маской инкогнито, а, когда, если и в женском платье, дескать, спасаясь от слежек и предательств; – это ли истинный Клеланд, а если – да, то не в причине ли того самого открытия, по его словам, рокового для всей Восточной части Евразийского Континента, кое и поныне, не известно, существует вправду или нет? – верно, что всё этакое, извечно, остаётся в предметах любопытств авантюрных критиков и историков. В одной из глав сего переведённого «Этимологического Словаря», Клеланд, в риторической манере, выражает весьма глубокую мысль о том, что истинным свидетелем Истории и Эволюции не может являться что-либо, помимо самого Языка, в нас существующего и проходящего вместе с нами все возраста и все эпохи. Это же можно отнести и к самому Клеланду и, т. ск., воздать ему истинный долг по его же лепте, ибо ничто иное, помимо его собственных произведений не свидетельствует в пользу фактора судьбоносности сей личности в её масштабах и в ипостасях, и если это касательно его серьёзных научных трудов, то – личности, прежде

всего, ума незаурядного, а в том, светски и литературно, превелико-эрудированного и просвещённого.

Старший сын семьи, высоко-уважаемой и светски-одарённой в изысканных знакомствах, юный Клеланд (род. 1709), по ходатайству своего отца Уильяма Клеланда (1673/4 – 1741) – друга всем известного поэта-литератора Александра Попа, в 1727 году поступает в престижную Вестминстерскую Школу при оном Аббатстве, честь и гордость класса первых литераторов Британии (У. Камдена, Б. Джонсона, Драйдена, и пр.), что, очевидно, располагает и провоцирует в нём начало всех тех литературных позывов, кои, вместе с ранне-складывающимся в нём настроением классика, предстают быть в свете исключительно-оригинальной революционности: и если мы говорим только о литературе, то революционности, в её контрадиктуме, не столь тяготеющей к *новому слову*, сколь к новому изображению всего того, что *за поверхностью слова*, ещё только *принятого* – слова и, соответственно сему, его смысла. Мир литераторов (и не одних лишь только беллетристов) той эпохи, при всей её известной либерал-ренессантности, олицетворялся, по большей части, типом «облачителей истин», каковыми, в подавляющем их числе, были, также, и те, кто решался и находил возможным писать на ново-изыскиваемые, прогрессивные темы, в которых «облачить» предмет в надлежащую форму было главной задачей; – Клеланд же, в сравнении им всем, начиная с первых и аж до последних своих шагов в занятиях, представал быть типом именно «обнажителя», как если бы чистого физиолога (как то в его собственном выражении об этимологах вообще¹), и это как для легкодоступных его вещей, так, равно, и для продуктов его высокоинтеллектуальных штудий. Недаром, должно быть, за сочинением уже «Пути от Слов к Вещам...» и сего «Этимологического Словаря», он решительно и целенаправленно устремляется к образам дотоль авторитетно-преподаваемых смыслов, находя в них не иначе, как базис всего ещё нераскрытого, нарочито как если бы не стесняясь, при этом, ни самого Камдена, первоглавы Школы Вестминстера, не забывая, также, смерить подчас и перво-гомеричность² Александра Попа, прямо сказать, не хилым намёком на относительность в нём языкознания, – должно быть, в чувстве некой сентиментальной отместки, будучи тогда уже непринятым и не поощряемым своей семьёй и её кругом, вовсе. Кажется, так, что его собственный бунтарский уход или же его изгнание из Вестминстерской Школы, – о чём архивы Шеффилда не содержат в себе прямого разъяснения, – в ранние годы автора, представилось быть, как раз-таки, начальным этапом на пути всего последующего семейного разобщения, протеста и противостояния.

Люси Клеланд, мать сего литератора, имела, также, круг весьма элитных высоко-влиятельных знакомств, среди которых были и лорд Стэнхоуп (1694—1773), «человек изящных манер», некогда Первый Камергер поверенный Короля, известнейший парламентарист, инициатор Григорианского Календаря, и первый патрон литературы в Британии; среди них, позже, был и небезызвестный зачинатель Английской готической новеллы, граф Горацио Уолполл (1717—1797), сын первого Королевского премьер-министра, влиятельный пэр, и, при всей его свободе нравов и авантюристности характера, всё же, человек, в предпочтении прагматичному научному знанию, оставляющий за «эклезиастически-религиозным» смыслом некую привилегию. Оное всё, к годам, в особенности, 50-м – 70-м, контрастно весьма расходилось с позицией Клеланда, кой, с приходящей к нему литературной зрелостью, и на то время обладавший уже никак не девственным жизненным опытом, в справлении с привязанной к нему, безбудущной репутацией имморалиста, делал ставку всё более на основательное знание в изучении «человека и его корня», и, отнюдь, не в угоду каким бы то ни было, пусть даже и прибыльно-обе-

¹ «...С этимологами дело обстоит также, как с физиологами, кого нельзя вполне назвать состоявшимися и дельными, пока не возрастут они до знания всея погрешимости и неуверенности в их собственном искусстве.» Дж. Клеланд, «Этимол. Словарь», *Адвертисмент* (посл. абзац).

² Александр Поп (21 мая 1688 – 30 мая 1744), великий Английский поэт; как известно, первый переводчик Гомера на Английский.

щающим, лестным, подчас, предрассудкам и укоризненным понятиям. Учёная сатира над религиозными заблуждениями; научно-представленная дискредитация будь что первоглавнейших столпов существующей веры; анти-церковничество; материалистический либерализм на уровне высоко-школярского а-иерархического нигилизма, – всё, что представало быть в свете его литературно-этимологических достижений, вряд ли могло особенно льстить знаниям, авторитету и позиции известных друзей его семьи. Мы знаем, к примеру, о некоем интересе Стэнхоупа словарным трудом Д-ра С. Джонсона, ровесника Клеланда (опубл. в 1755), и, увы, мы не находим у него какого-либо достойного интереса к открытиям Клеланда, ставящего под сомнение и лексическую дикционарность, и Календарь (и даже не то, чтобы Григорианский, за актом 1750 г. по Стэнхоупу, но и сам Юлианский по Цезарю), и даже сам ход Истории. Должно быть, такая авантюризм, вкупе с весьма неожиданными пассажирами в адрес парламентарной и судейской систем, в том и в другом случае, могла либо настораживать, либо провоцировать на некое сальерическое чувство в авторитетах, либо... таки побуждать к мысли о протекции того рода, на какую автор, по невозможности компромисса, никогда бы не согласился. Возможно, если бы к моменту издания его первых этимологических набросков, оставался бы в живых тот «вольтерьянец», в сравнении кому самого Вольтера проще назвать «булинброкцем», – да-да, Я имею в виду, как раз, премного известного, и не менее искушённого обществом и его спазмами, виконта Сент-Джона Булинброка (1678—1751), достаточно близкого, опять-таки, друга семьи Клеландов, политика и философа, ближайшего друга Дж. Свифта, чей ранне-бунтарский пример мог бы даже в чём-то располагать юного Клеланда, к разным сравнениям и поступкам, – возможно, определённая доля интереса к сим этимологическим трудам и к ново-открываемым идеям автора нашлась бы тогда в свете более серьёзного их восприятия. Впрочем, быть может, и нет. «Пятно» апробированного порнографиста в его литературной биографии отнимало у него шансы быть воспринятым на уровне истинного ума; – таковы были отзывы даже тех учёных-лингвистов, сколький-то круг коих неизбежно раскрывался самим талантом автора, его знанием, а не пересудами по его персоне {к прим., «...любопытные тракты о Кельтском языке... но та слишком бесславная вещь, чтобы упомянуть даже; рушащая его репутацию, как автора;... ко всему почтению, весьма и весьма нездоровому, для высоты его приоритетов.» Джон Никколс (1745—1826)}. К тому же, сама идеологическая ориентация в отношении фундаментального, *парадигмического* Друидизма, а также все, с тем, предосуждения, касательно пагубного «деизма» Клеланда, в отдельно-взятой Британии, никогда бы не были восприняты людьми высших иерархий, сколько-то без ядовитого зерна соперничества, или прямого, в иной среде, антагонизма, чему с лихвой шла в пользу, опять-таки, деморализация сего интеллекта. Забавно думать, что немало современных лингвистов-этимологов, касающихся Клеланда, всё как и прежде, как и некогда ранее, воспринимают истоки его этимологии в свете, почему-то заведомо brutальном, не находясь, да и не больно-то, видно, желая, отойти от завещанной эротической первоусловности в литературном наследии автора: а именно, по типу разделения смысла «перво-забав» во фрейдистски-изображаемом обществе: – то самое «Фанни» [т.е. «забавное»], извечно, ведь, контраверсирует Старый Свет в глазах Нового, контраверсирует, подчас, до уровня фундаментального расхождения по взгляду на перво-английские, исконно-англиканские духовные принципы натурально-сексуализированной добропорядочности, – что было не всегда столь «забавно» для Шейкспира, что вышло быть, однажды, весьма «презабавно» для Лорда Байрона; что, также, в вопросах «забавнейших» иерархически-кастовых разделений; что, также, неким образом намекает на причину «всезабавного», или «нисколько уж не забавного вовсе», сходства между словом «toil» [«труд»; хотя на Русском, в сим контексте – это, скорее «работа»] и словом «toilet» [туалет], – ибо, ведь, тогда, как в Старой доброй Англии слово «фанни» означало «вульва», в Америке, преимущественно составленной из малоудачных или отверженных Англо-переселенцев далеко не высшего класса и сорта, этим называлось всё заднее, так и задний «фанни-покот» [забав-

ный карман] в тех же, потом, рабочих джинсах. – Всё это такое весьма любопытно: как психологический взгляд на предоснову родового слово- и смысло-образования, вообще, по типу прогрессивной примитивизации т. ск. «нео-дарвинической» прото-эдемовой картины всеобщего мироустройства, – как то, к прим. у проф. Каролайн Д. Уильямс («*Путь от Слов к Вещам: Джон Клеланд, Имя Отца и Спекулятивная Этимология*», 1998); однако, ко всему подобному, легко заметить, что вознамеченная, нарочито-директирующая «примитивизация» общественной картины и суть *Ретривации примитивного Языка* (что у Клеланда) есть дела, одно другому, не весьма сходные; и от себя Я могу сказать, пожалуй, такое, что к той модели миростояния (примитивной, но не животнo-дегенеративной), какую нам демонстрирует Клеланд, и какую мы заведомо должны воспринимать в свойствах и степенях её великого многообразия, в гармоничном согласии *перво-силлабическому* Закону Земли, Закону Стихий, Закону Смен и Времён и, да, с тем, и Закону Естеств, намеренная же попытка узреть в том перво-эротическую *способность к социальному слогу* относилась бы нас на уровень не иначе, как самый низкий, самый бастардно-незрелый в постижении истин Друидовой Школы и её Системы (в полном смысле сл. «Bastard» по Клеланду, как «*Base-terred*», или «положенный на землю», см. «Э. Сл.», Магдалена, стр. 18/3). – При жизни Клеланда, однако, все подобные сексуальные а-ретривистские «примитивизации» опыта, скорее, служили отчуждению, нежели какому-либо смыслу заманчивой авантюризации намеченных идей; так, литератор всё более отдалялся от семьи и от целого ряда будущих протекций. Как известно, Клеланд впоследствии, публично отрёкся от собственной матери, по его словам, нисколько не помогавшей, но даже извечно вредящей ему в его предприятиях.

Друидизм, как обособленное культурное, а, подчас, культовое, направление (как то, что могло бы быть сравнимо архирусизму в России) поначалу был не весьма одобрительно встречаем в Британии. Идеи ранних нео-Друидов сколько-то соотносились с идеей общего масонического движения, кое знаменательно вылилось потом в создание Великой Гранд Ложи Англии в 1717 г; отдельного же созыва Великая Ложа Друидов, в первоначальном образе Античного Ордена Друидов, появилась не ранее, чем уже к концу столетия (1781 г.). «Архи-Друид Англии», как называли современники преподобного Уильяма Стюкли, близкого друга Ньютона, и масона раннего периода, – к авторитету коего неоднократно обращается, в своих рассуждениях и выводах, Джон Клеланд, – впервые, основательно исследовав редчайшие развалины Стоунхенджа, проложил главную тропу к новому, уже серьёзному взгляду на «теорию Друидизма»; известно, однако, этакие неусыпные усилия в организации как экспедиций, так и первых школ-кружков, привели его, в наиболее радикалистский период жизни, практически, к банкротству и к всеобщему, было что, пренебрежению; – этак, до тех пор, пока он не вступил в лоно Церкви и не принял сан, с тем, очевидно, оставив кое-что в масонстве, поступившись иными из приоритетов, однако, сумев изыскать, при этом, какую-никакую всё же возможность к продолжению пристойной жизни и занятий. Не правда ли, подобные обстоятельства вынужденно-усугубляющегося анахоретства весьма и весьма, также, отличали жизнь Клеланда, кто столь решительно тогда взялся за Друидизм и, в отличии от премного повлиявшего на него Стюкли, в степени аж и большей, снискал по себе всея неблагоклонность фортуны. – Очевидно, что сам стиль изложения его историко-филологических трудов определённо располагает к масонству, и оный изложенный Друидизм заведомо проявляет себя не иначе, как в свете масонических воззрений, откуда и особая апелляция к иным гранд-авторитетам, признанным в том свете, так, к прим., Лейбница и др.; – правда, то, что Джон Клеланд непременно сам принадлежал к масоническим кругам, т.е. не только имел некие очевидные контакты с отдельными членами и друзьями лож, (как то к прим. с маркизом Рокингэмом, первым Премьер-министром Британии, в видах практических интересов; или же с Дэйвидом Гарриком, своим другом, пер-

вым «шейкспирианцем» Англии, фримасоном³), но состоял, по меньшей мере, в числе вхожих в оный круг, – alas, мы не можем это сказать однозначно, за неимением достаточных фактов.

Обстоятельства к выделению Кельтского языка среди прочих, по предпочтению его Европейской перво-исконности, были на то время уже весьма благоприятны, и это пользовалось растущим интересом, естественно, и в масонах, и в свободомыслящих интеллектуалах; строгое ж, однако, масоническое знание предполагало преимущественный скепсис в отношении, т.н., псевдо-историцизма, то есть наследие историзированного знания, в принципе, не рассматривалось иначе, нежели как в свете завещанных, Соломонических наследий; – велико-радикальный ажиотаж, уже в 19 веке, сложившийся вокруг идеи Друидского корня в основе всего Фримасонства, был ещё сравнительно-робок во время Клеланда, а иные из касательств по поводу масонства непременно выражали в себе недовольства и несогласия с целым рядом «друидо-масонических» этимологических спекуляций, как то, к примеру, у поэта-бардиста Йоло Морганвга (Iolo Morganwg), кого возмущала и одна только мысль о том, что «слово „фримасонство“, этимологически, заведомо связуется с корнем Кельтского „mau-pole“ [„майское-древо“, или же таковой „шест“, или же, на сегодня, скажем, „ось“], о чём, дескать, свидетельствует автор „Фанни Хилл“, повсюду оттоль утверждающий Друидистское начало» (Д-р Андрию Прескотт «Масонские Письма»). Естественно, что всякий из скептицизирующих откровения «слов и вещей» Джона Клеланда завсегда использовал против него аспект аморализующей критики. В то же время, в ряду культурных со-влияний, среди авторов сколько-то причастных масоническому движению, как то взять даже знаменитого того же Гаррика с его «Майский День, или Цыганёнок» (1775), – не говоря о ком-либо, сродни Томасу Пайну, Карлайлу и др., – можно заметить, по меньшей мере, некую сравнительную акцентацию в обращении к Друидистскому смыслу, изображаемому в свете того или иного суб-аллегорического намёка или символического ракурса. И это, конечно же, не касаясь всех тех ещё столпов строго-интеллектуальной Друидистской литературы, каковая делалась в ряду Всемирного Друидистского наследия, будь то Уильям Престон («Иллюстрации/Описания масонства», 1775) или кто-либо др. Всё же оное и последующее было следствием, на мой взгляд, именно того этимологического всплеска 60-хх, кой был, во-многом, пробуждён рядом не иначе, как научно-исследовательских публикаций, сошедших в сознания широкого литературного, так и масонического, общества; и это, не иначе, к тому, чтобы сказать, что усилия и амбиции Клеланда, по меньшей мере, имели своё примечательное, в оных кругах, влияние.

Идея поднятия авторитета исконне Британских истоков, ближе к концу уже 18 в., всё более делалась предметом интереса Королевского Двора; уже в пра-викторианскую эпоху а, тем более, позже, интеллектуальная экспансия Кельтизма всецело олицетворяла собой рост великого могущества и влияния Англии в целом мире; так, проспекты и разработки новой теории мировых начал, в новом взгляде на Кельт-Друидизм, вполне подлежали практикам поощрения идеи национальной гордости и патриотизма. – В архивах Шеффилда, из Коллекции частных Документов Уэнтворта, WWM (В арх. каталоге: – SCC: LAI: WWM/R1/1144; и, соответственно, .../R1/1679; и, .../R1/1797. – Ричард Терри & Элен Уильямс «Джон Клеланд и Маркиз Рокингэм: Два новых письма», 2014) имеются, по меньшей мере, три известных нам письма, проливающих свет на патронажные отношения между Рокингэмом и Клеландом, и, безусловно, примечательно то, что первое из этих писем датируется предположительно 1768 годом, – т.е. весьма близко, или даже предстоя, оттоль, времени самой публикации Клеландских этимологий в журнале у Бриганта, – о чём первобиограф Клеланда, У. Эпштейн («Джон Клеланд: Сцены Жизни», 1974), никак не упоминает. Вряд ли, в том, весьма

³ Дэвид Гаррик (19 февр. 1717 – 20 янв. 1779) – Англ. актёр, драматург, главный театрал-продюсер 18 в.; друг и ученик С. Джонсона. Основоположник идеи Шейкспировских Юбилеев в Статфорде-на-Авоне (1769); строитель Храма Шейкспира в Хамптоне (1754). – О его масонстве, в частности: – А. Прескотт «Масонские Письма», Йоло Морганвг и Фримасонство.

уместно предположить, что Клеланд, по его собственному признанию, *долгое время занимавшийся подобным словничеством*, мог, этак, заведомо, трудиться на заказ; правда, нельзя ж таки и не припомнить его краткое замечание из Адвертисмента к «Этимологическому Словарю» по поводу неких настоятельных предложений и некоей «нотки супрессии». К сему, по взгляду на оные письма, – первое из которых сообщает о вполне натурально, пусть несколько и надменно подчас, разделяемом смысле и чувстве автора в отношении задач популяризации искомой идеи, а последнее (от 3 дек. 1778) – своего рода, намёк на ожидаемые результаты от этакого его «придворства» маркизу, – мы не можем, также, не отметить его собственные признания, как те, что он сделал, к прим., в беседе с Джосиа Беквитом уже в 1781г, за неск. лет до смерти, прямо жалуясь на протекционизм вышестоящих и министерскую оппрессию. – Из предстоящих сему, ранних откликов на его лингво-этимологические наброски, можно найти некоторые из особо метких таковых, в ранней периодике: так, к примеру, на его публикацию «Оставшееся от Япета», в «Критическом Ревью» (22 авг. 1766, стр. 135—136) признавалось в словах автора такое, что, действительно, *«нет ничего яснее, чем то исходное радикально-корневое сходство между разными языками, чего и, соответственно, коих не существует ныне не только в Европе, но и в Азии»*, кое, однако, всё спосылало оно к решению ряда вопросов *«сомнительного, не решённого, произвольного состояния, в котором его (авторское) представление этаким образом преподносится.»* Ко всей корректнейшей академичности отклика, делаемая нотка на подход к тематическому оформлению и преподанию материала, в той или иной, дескать, актуальной канве, как раз, и раскрывает суть всех тех историко-политических акцентов, что предстают быть, в своём роде, «гольфстримом» вскоре уж объёмно-изъясняемой этакой этимологии.

К делам Рокингэма, здесь, крупного патрона в Уиг-партии, нельзя не отметить его 16-ти-летнюю демократ-оппозицию, по оставлению им первого Премьер-поста в 1766 при дворе Георга III; – к масон-философизмам Бёрка (друг и личный секретарь Рокингэма, гранд-фримасон), идеи сего прогрессивного Британского конституционализма вполне бы могли, этак, «благо-располагать» некие из моментов выраженного настроения у Клеланда; неожиданным, однако, делается тот самый упомянутый автором, смущающий вопрос «национальной гордости» (см. Адвертисмент к «Этимологическому Словарю»), каковой где-то чрез 10 лет, в данном касательстве, всё более вырастает на грани жарко-дебатыруемой войны – войны, скажем, «забавно-грозящей» быть между Старым и Новым Светом Англии. Если, в случае Кельтоманического фримасонства, здесь, этакое было бы к дилемме обладания термом наследия, то в случае патриотического античного Друдизма – это, скорее, к дилемме обладания завещанным пространством. – Из архивов, письмо второе к Рокингэму (30 авг. 1776 г.), написанное, как раз, в период оных империяльных контрадикций, содержит в себе наиболее неразгаданную тайну учёного-этимолога Клеланда: – то его, и по сей день, ни чем не подтверждаемое заявление об *«открытии, способном поразить всю литературную Европу»*, кое *«о тех колоссальных трудах в Восточных Индиях..., прделанных Китайцами»* (касающееся, конечно же, дальнейшего продвижения Кельтийских и Вселенски-языковых перспектив). Здесь, обращаясь, соответственно, к известным письмам Рокингэма, как про-либерал-колониста, к тому же, взять, Огюстусу Кеппелю⁴ (3 ноябр. 1779) об угрозе (Американской) войны для конституциональной Британии: – *«где, вероятно, тотальная (от того) смена людей, масштабных понятий и системы в Правительстве может повлиять на аппараты представительств некоторых иноземных стран..., способных прийти, этак, к мысли бороться уже не с придворной Судейской системой, но с общественной, всей нации в целом, и всеми силами, в их возросшей борьбе»*, –

⁴ Augustus Keppel (25 apr. 1725 – 2 okt. 1786), 1й Викоит Кеппеля, член парламента, адмирал Королевского Брит. Флота во время 7-летней Войны и Американской Войны за Независимость; член Уиг-партии; служил под главенством Чарльза Уотсон-Вейтворта, 2-го маркиза Рокингэма.

не можем ли мы предположить, в том, какой-либо подспудной связи, в касательстве упомянутых, в нашем контексте, как раз таки, Ист-Индских стран? (Ист-Индских, а не то аж и Кельт-Индо-Скифских, коль скоро этимолог, в его не найденном сим труде, прочил убедительно раскрыть Кельт-Друидистскую языковую суть в языках Моголов и Азийских Ханов; с тем, также, и Русов, – кое, иже наскоро он делает в «Этимолог. Словаре», – что вышло бы к особенному, также, прожекту в свете той мировой ситуации, когда Американская война, естественно, могла бы больше влиять не только на опасные Англо-Французские, но и на Англо-Русские отношения, в канве всего того, что становилось растущей контрадикцией Великобритании с Нейтралистским Альянсом колониальных Держав.⁵)

Как то можно видеть, раз затронутый вопрос «национальной гордости», в том или ином ракурсе, в перипетиях влиятельных настроений и взглядов, мог представлять в самом неоднозначном свете; иже, вряд ли мы можем с какой-либо чёткой уверенностью сказать *в чём, именно, и с какой, именно, точки зрения* проявлял себя тот негативный аспект «министерской оппрессии», (этакое, своего рода, «Каиново проклятие» в судьбе Клеланда), о чём, кстати или впрочем, он сообщает в признании, этак, за год до Рокингэмова второго Премьер-поста, за год до парламентской инициации Британского неучастия в Американской войне за Независимость. – Сия разноречивость, неоднозначность в помышленно-применительном толковании «*теории, будет сказано, вселенской важности корней*»: – по всей видимости, это представало быть где-то, как раз, на самой грани между Вселенской масонской амбицией и оправдывающим себя парламентаризмом, между Империял-доктринизмом (коронованных) свобод и Друидо-правием. – Беквит, относя Клеланду не весьма большое почитание монархии, при его громком восхвалении демократического Друидизма, положил, что «нисколько то не Удивительно, что, в сию Эпоху, тот теряет своё Место, иль Пенсию, – или чтоб подвергаться, тогда уж, ему Цензуре за Содомию, как это и происходит, ... – а отголь и все те Характерные Персоны, не желающие бывать у него, и не имеющие радости с ним долее знаясь.»⁶ ... Грязь политики (есть такое выражение) – она есть ли, разве, многим иное, чем та же всё «забавно-упрIMITивизированная» этимология? В ряду иных спекулятивных, и совсем уж там наизабавных, ультра-модных фрейдических взглядов и версий, пожалуй, нельзя не согласиться с единственно лишь объективным смыслом таким, что литература, наука, политика и секс шли весьма и весьма рядом в жизни Клеланда; – вероятно, что ни чуть не меньшего протагонистического смысла биограф-историк только лишь и будет способен рискнуть обратить на себя всю сторону содомического света и проклятия, в иллюстрации скрытых «этимологических слабостей» того или иного, из ранга упомянутых Беквитом, «Характерных Персон».

С 1782 года (год второго Премьер-поста Рокингэма), не получив никакой пенсии, Джон Клеланд жил на маленькой улочке Петти-Франс в Вестминстере Сити-Лондона, в скромности, в безбрачии и, практически, в полном одиночестве. С ним жила единственная лишь, ценимая им премного, старушка-служанка – «женщина, весьма древняя и уродливая», как то заметил литератор Джэймс Бозвелл⁷, его старый друг, в отличии от Клеланда, чрез ряд масонских знаков (Монбоддо, Бёрк и др.), не прочаший обществу более великого демократизма, чем то в поэтически-предложенной законо-защите Рабства. – Бывал ли, когда, «ретрив-мастер» (или, сказать, мастер-реставратор) Кельтской словесности в «Олд Кингз Армз» Таверне на Поланд-

⁵ Т. н. Первая Лига Вооружённого Нейтралитета, 1779—1783 гг., сложившаяся по инициативе имп. Екатерины II, и в состав коей входили Россия, Скандинавия, Пруссия, Австрия, Португалия, Королевство Обеих Сицилий, – позже, формально, и др. страны; Великобритания – единственная страна, не признавшая нейтралитет.

⁶ Обо всём этаком – см. Генри Меритт «Биографическая заметка о Джоне Клеланде», журн. *Notes & Queries* (Заметки и Вопросы), авг. 1981, стр. 306.

⁷ Джэймс Бозвелл (29 окт. 1740 – 19 мая 1795), Шотландский биограф, мемуарист и репортёр. Наиболее известен сочинёнными биографиями знаменитых современников, и, в особенности – С. Джонсона, каковую совр. критики называют величайшей из биографий, написанных на Английском. – С 1787/88 г. становится в ряд консерваторов: к 1791 г. им сочиняется поэма «Ни какой отмены Рабства, или Вселенская Империя Любви».

стрит в Сохо, на церемониальных собраниях Античного Ордена Друидов? – (см. Emrys Jones on London Welsh; – Андрю Прескотт «Масонские Письма», Йоло Морганвг и Фримасонство) – видал ли когда живую их процессию? знал ли сам, ещё при жизни того, легендарного Генри Хёрля (Henry (?) Hurlle, ум. 1795г) с Чесночного Холма, основателя Ордена (Garlick Hill, City of London), и его прямого соратника и последователя, Ричарда Эллиота? – (...Из Журнала для Членов Общества, 1833; из *Gentleman's Magazine*, 1839, о смерти Р. Эллиота; – А. Прескотт, «М.П.», Л.М. и Фримасонство); – они все этикие авантюрные предположения, возможно, навсегда останутся столь же пресловуто-каверзными, как и те, что о радикально-политическом круге Содомитского Общества; иже, уверен, кому-то завсегда пристанет выпачкать свой нос в дни, этак, и наши, в неких, дескать, неопровержимо-порочных, с тем, выводах о чьей-либо безусловной выгоде или чрезвычайной доуке. – Друидистские Ложи (в отличии от только Фримасонских, разрешённых к официальной деятельности за Актом от 1799 года о Незаконных Обществах в Британии) оставались надолго иллегальными, при росте их числа, премногой популярности и вменённой национальной прерогативе; – предосудительный фанни-эротизм Дж. Клеланда, при всей его гетеро-соблазнительности, обличаемый как «гомозротический продукт порнографического смысла», (за что, аж и в одном намёке на то, в году 1749, Клеланд сам прервал дружбу с Т. Канноном, автором первого в Англии про-гомосексуального памфлета «Античная и современная педерастия в исследованиях и примерах»), оставался под прессом цензуры в Британии, так, и до 1970 г. – Кельт-Друидистские историко-лингвистические ретривации автора, аж и поныне, в общем ракурсе современных учёных взглядов, сохраняют за собой псевдо-научный статус.

В позднейшее время, – продолжая, этак, и Кельтийскую линию, – он сочиняет два этимологических труда в свете медицинской синкретики: от множества предосуждений и обид, ему было, разве что, глубже погружаться в мир изучения Человека – отдельного, отголь, Человека, – *Человека уже не Интриги или Амбиции, и не Идеи или Приверженности* (Принадлежности), но *Человека уже Свое-природности и Свое-мутабельности, Человека Матери и Разуменья*. Вполне можно думать, что этот автор, при всей его тематической, казалось бы, разноплановости, именно, никогда, в действительности, не сходил с раз выбранного им пути: как то и в юности, он, также всё, оставался истинным «обнажителем» слов и вещей, и, можно бы сказать, ещё «дел и нервов»; впрочем, этак он и сам отозвался о собственной персоне, сказав раз Бозвеллу, что «он знает о нервах, больше чем какой бы то ни было доктор в Европе». Воистину, этимологичнейшее заверение в помыслимой истории тайных дел.

Джон Клеланд умер за полгода до своего 80-летия, 23 января 1789 года. – Ирония судьбы: раз взалкав к свободному Праву, порвав с формально-академическим образованием Вестминстера и с семьёй, его дни завершились в Подворье того же Вестминстера, в доме, совсем рядом к дому его детства. Ныне, на той улице, располагаются дома Министерства Юстиции Великобритании, один из которых, кажется, и есть дом Джона Клеланда.

103.12.2015, дача/

II. «Этимологический Словарь». Будущее Кельт-Русизма.

В сим Первом Томе полного Русского собрания этимологических сочинений Клеланда помещены первые шесть книг из его «Пробного Образца Этимологического Словаря», 1768 г., кой есть специфического ракурса квентиссенциализация вещей из его, предстоящего сему, несколько спонтанного памфлета «Путь от Слов к Вещам и от Вещей к Словам». Этакый ракурс, в отличии от только премонитивного, что по взгляду на пра-исток интеллектуального миропознания, представляет собой уже суть прото-социологической Школы и Системы *древнего Друидизма*, – кое, сказанное здесь этак, может звучать в ряду каламбуров, как некое, в корне, «древ-ес-ное Древо» (ибо и «древ-ность» и «друи», «tree» – от того же «Древа»),

но в чём-то может представляться, этак, оправданно-символичным, именно в законе первоисточников, наследий и ретривируемых приемств. ... Да-да, кажется, говоря так, Я подражаю, в том, манере Клеланда; мне, однако, весьма радостно лишь подчеркнуть такое, что, ныне, сей преподанный материал, в стиле метких сравнений и утождествлений, есть прямое достояние Русско-Кельтской школярской литературы.

Чрез два года, Вселенский мир Кельтизма будет отмечать 250-летие публикации сего парадоксального труда, так и до сих пор, представляющегося быть не многим менее занимательным и, с тем, не теряющего своей оригинальной привлекательности и элемента учёной диспутарности. На сегодня, в научно-академических кругах Европы, этакие наработки Клеланда в практиках истории языкознания и теории Вселенски-примитивного Языка принято относить в область псевдо-науки, поскольку ряд выводов, делаемых автором, был взят, дескать, буквально, из воздуха, по чисто оральному сходству в формах речевой мутабельности, и что, очевидно, далеко не всегда соответствует только математически-принятой системе слогостроения в фундаментальной лингвистике. К сему, однако, следует заметить, что определённый процент решений, предложенных Клеландом, при всей их т.н. не-академичности, способны до сих пор ставить под сомнение иные из высоко-апробированных суждений, каковые, в свою очередь, взятые не в одном лишь ракурсе рассмотрения, по всецелому взгляду на вещи, всегда и поныне, *не являются* всеобще-объяснительными конструкциями *Мирсогласия*, этак, отмечая за собой тот или иной предел универсализации логоса. И, также, если в сходственном сравнении велико-лингвистическому проекту реставрации плана Вселенской Вавилонской Башни, большинство, этак, и сегодняшних теорий представляет собой не иначе, как вертикальный срез одной из сторон, – одной из четырёх прото-Кельтских, или одной из шести Индо-Европейских, – то теория Клеланда есть, пожалуй, срез сечения близ самому основанию, каковое, в особой фундаментации Завещанного Канонического Круга, по-сути, должно вписывать в себя и то, и другое. По мне, так больше, всё же, подходит именовать сие *не псевдо-наукой*, но, скорее, *альтер-наукой*, если не только альтер-методикой в научном подходе, поскольку, не премину подчеркнуть, использование Клеландом античного и современного лингво-исторического материала, во-многом и целом, весьма скрупулезно и корректно.

Этак, аж и беглый фокус, по взгляду на суть сиих противоречивых разниц, вряд ли, и на сегодня, оставит рассудительного читателя в безучастливом покое: ныне, как, впрочем, и со времён, ещё предстоявших исследовательской затее Клеланда, в вопросах о том, *какое* «вначале Слово было первым», едва ли кто не согласится с той истиной, что «люди, прежде, стали *говорить*, а уж потом *писать*», как это авторитетно отметил, допустим, тот же Джон Уилкинс (1614—1684)⁸; и если этимология – это изучение интертекста вмещающих в себя, одно другому в ряду предстоящих, имён (каковое всё в наследии, в соответствии и в развитии теории тех же монад Лейбница) – как это, на сегодня, совершенно и повсеместно принято и неоспоримо в науке, – то, вот, вдруг сама собой возрастает дилемма, если можно так выразиться, «бесспорного спора»: – что есть т. ск. «перво-бытийное деяние» («*Первым было дело*», – помните у Гёте?), или перво-именующее действие? – а, иначе, к чему вначале относился акт перво-именования – *к принятию существующей (осознаваемой) тайны* или же *к провозглашению и утверждению раз постигнутого и принятого?* Сие, несомненно, из ряда вопросов, предстоящих какой-либо конструкционистике, и является, по-сути, *Первым вопросом Этимологии*, что не иначе, как одного масштаба и значения, соответственно, с *Первым вопросом*, также, и *Философии*, и *Социологии* (об этаким позднее); засим, аж и чрез 250 лет множествен-

⁸ John Wilkins (14 February 1614 – 19 November 1672), Английский клерик, Епископ Честера, натур-философ и литератор; один из основателей Королевского Общества; один из немногих, кто одновременно школярствовал и преподавал в обоих Университетах Оксфорда и Кэмбриджа. – Здесь, цитата взята из «An Essay Towards a Real Character, and a Philosophical Language», London: Gellibrand and Martyn, 1668, p.385., – сочинение, в котором автор впервые существенно ставит проблему унифицированного языка.

ных апробаций и ре-апробаций принятых этимологических смыслов, Джон Клеланд продолжает смущать авторитеты своим подходом к решению задачи сего вещественно-смыслового архи-первенства: актуально ставя, к примеру, вопрос о том, что более способно превалировать в эпонимике природного края реки – само её (неизвестно-откуда-взявшееся, предположенное) название, в истоках всем прочим факт. названиям, или же, в свою очередь, предположенная эсхатология жизнеобитания, жизнеустройства, полагающая название всему пр.? – в том, он, и по сей день, этак, контраверсирует те высоко-академические мнения о сути того же, взять, слова «Кэмбридж» (в ориг. тексте «Э.С.», стр.85/71), как те, что официально приняты самим Университетом Кэмбриджа, и помещены в строго-апробированном Кэмбриджском Этимологическом Словаре и на сайте, 2015: – дала ли река Кам (до сих пор, не абсолютно ясного корневого смысла) название сему месту, а потом некоему Правилу, как Принципу, ставшему достоянием общей Школы, ко всему тому, чем этакая Школа, в свою очередь, потом стала, или же чем перестала быть? или ж, таки, была прежде некая Архи-Школа, как ценностная Система понятий и мер, в правилах коей река возымела своё законоположенное название, а, с тем, и всё, этакому соотнесённое? – Сие, верно, наподобие всего того, что ныне у нас, о Волге – о Волге Русов: – что такое «Волга», что есть сие имя «Ра», и нужно ли, вообще, соотносить весь воследующий, оттоль, этимологический смысл Имени, не в некоей архи-Системе, но от какого-либо предположимого божества, природы всегда неоднозначной и таинственной для постижения *только человеческого смысла*, а не то и всего того, что приходит, дескать, из страны не раскидистых лесов и поэтичнейших кущей (соотносимое будь то далёкому Египту, будь то Индостану)?... Клеланд, однако, во всех подобных (а таковых далеко не единственное число!) дилеммах, предпочтительно относит знание, именно, второму «радикально-человеческому» – материалистическому, не идеалистическому варианту в изыскуемых решениях.

Публикуемый здесь «Пробный Образец Этимологического Словаря, &c.» представляет собой раскрытый эссеистический материал, собранный из целого ряда отдельных глав, каждая из которых является, в своём роде, законченным изъяснением пути увеществления того или иного избранного фундаментального понятия, закреплённого в общей ныне-существующей Христианской Системе социального и духовно-мирского Устройства в законе сложившихся Иерархий. В целом же, сей материал представлен тем образом, где и лингво-филологические изыскания автора, и, следует признать, весьма недурные историко-повествовательные или даже историко-критические, его литературные пассажи вполне гармонично друг с другом согласуются и компанируются в свете изображения всеобщего хода, скажем так, гипотетически-объективной Кельтской и, соответственно, Кельт-Эллинистической Истории Цивилизации; – да, здесь говорится «гипотетически-объективной» равно настолько, насколько мы вправе разве что предполагать лишь о тех фундаментах общественного строя, о которых, фактически, мы мало что знаем. Таки, при всей внешней сумбурной произвольности предлагаемых к рассмотрению топиков глав, за сим скрывается весьма чёткая, слаженная композиция воспроизведения последовательно-эсхатологического перехода общества Друидистского обычая и устоя, к обществу Цезарского (милитарного) Правления, а с тем, уже к Епископально-Баронскому Государству ранних и последующих веков Христианской Европы. Тем самым, демонстрируется и объясняется предначертанный путь **диалектического** (ко слову «диалект», см. Сн.1, стр. 89 от пер., к общему тексту «Э.С.», стр. 21/6), – как в свете *обще-политизации*, так, безусловно, и *уни-филологизации*, – возвращения общества к Парламентарному состоянию его фундаментальной Конституционности. Конечно же, в исходной модели выводимое на примере архи-Британии, в оных корнях и устоях, этакое, тем не менее, в делаемых суждениях и выводах, основывается на использовании литературных трудов большинства, на сегодня, известных истории летописцев и хроникёров.

Сам же изъяснительный подход к проблеме Кельт-филологизации политического общества весьма многосторонен: тогда, как, наравне с принятыми на сегодня понятиями существую-

щей Системы, раскрываются, соответственно, и архи-понятия Системы, восстающей пред нами из забвенного Языка, этикие последние, в канве каждой из отдельно-следующей глав, изображаются неоднократно и, всякий раз, под разным углом этимологического рассмотрения в свете той или иной социальной препозиции; одному архи-слову, в таком дискурсе, соответствует, затем, неск. его эволюционирующих значений, кои, однако, всё также, ещё подлежат прото-языку; и это, как если бы *подробный* (толковый, по всем степеням), сравнительно, тому же Камдену или нашему Далю, *античный Словарь*⁹и, образом таким, запечатлевающий саму суть перехода от системы только смысловой прото-идентификации к системе уже архи-ценностей, т.е., по-сути, пра-этическое становление природной и социальной Сознательности, предполагающее всё последующее в нас представление и знание о *иерархии понятий в законах неписанных*

⁹ Если бы наш Русский Этимологический Словарь мог бы быть вытолен в манере более литературной, как та, что у Клеланда, и не столь сухо, и не столь вкратце касался бы контекстуальных нюансов, также, и эсхатологии, и истории, и естествознания! Аплодировать чтобы обеими стопами, или обоими ослиными, или даже слоновыми ушами – на то ещё оставался бы выбор, но чтобы не аплодировать вовсе – это уж ни в коем разе: оное сомнение ушло бы вместе, оттоль, с уже пережитой, сравнительно-юной (как то ещё на сегодня) эпохой Русской литературистики. – М. Гюбрис.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.